

С.В. Смирнов

г. Екатеринбург

**Русские эмигранты и хунхузы в Маньчжурии
(1920–1930-е гг.)**

Хунхузничество или организованный бандитизм, как социальное явление сформировался на северо-востоке Китая (Маньчжурии) во второй половине XIX в. Слово «хунхуз» (кит. *хунхуцзы*) означало «красная борода» и первоначально, по-видимому, обозначало «заморских чертей» (*гуйцзы*) – европейцев (в частности, русских), а позднее было перенесено на своих «лихих людей», мало чем отличавшихся в своей дьявольской сущности от заморских чертей. Северо-восточная окраина Китая, особенно восточная часть Маньчжурии с её непроходимыми лесами и многочисленными горными хребтами стала излюбленным прибежищем для бродяг и деклассированных элементов. Эти люди организовывались в большие ватаги и грабили местное население, численность которого стала быстро расти после открытия в 1878 г. цинскими властями Маньчжурии для переселения китайцев.

Шайки хунхузов превратились в постоянную проблему для местных китайских властей, а в конце XIX в. и для русской дальневосточной администрации, которой пришлось бороться с хунхузами, проникающими в Приморье и Приамурье. Методы борьбы китайских властей с хунхузами были очень жёсткими. Пойманные бандиты обычно приговаривались к смертной казни путём обезглавливания. Голову казнённого выставляли в клетке в людном месте.

Строительство Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) и освоение русскими Северной Маньчжурии превратили борьбу с хунхузничеством в одно из важных направлений деятельности российской администрации в крае. Подразделения русских охранных войск КВЖД, размещённые на всём протяжении почти 1800-вёрстной железной дороги, не только охраняли дорогу и станционные поселки от нападений бандитов, но и время от времени сами совершали экспедиции против хунхузов в зоне российской полосы отчуждения.

© Смирнов С.В., 2013

Впрочем, с хунхузами не только боролись, их стремились использовать в своих интересах китайские власти, потворствуя деятельности «краснобородых» против иностранцев, а также русские и японцы, особенно в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. Известно, что хунхузы оказывали услуги в разведывательной деятельности и той и другой стороне.

В преддверии Синьхайской революции у китайских властей Маньчжурии возникла идея привлечь хунхузов на государственную военную службу. Но по-настоящему широкую возможность для военной карьеры «краснобородых» открыла Синьхайская революция. Целые шайки вчерашних бандитов одели военную форму, но не отказались полностью от своего прежнего ремесла. Появилась особая категория солдато-бандитов (*бинфэй*). В 1910-е гг. в среде китайского офицерства сформировалась целая плеяда «хунхузских генералов» – Чжан Цзолинь, Бао Гуйцин, Ду Лисань, Чжан Цзунчан, Чжан Цзинхуй, Ян Юйтин и др. [2, с. 214].

1920-е гг. стали своеобразным «золотым веком» для хунхузов в Маньчжурии. Многочисленные банды «краснобородых» продолжали действовать во многих районах северо-восточной окраины Китая, контролируя производство опиума, торговые операции, облагая данью местное население, похищая с целью выкупа людей и т.п. От деятельности хунхузов сильно страдала российская община Маньчжурии, в целом сформировавшаяся здесь на протяжении 1917–1922 гг. и первоначально составлявшая не менее 400 тыс. человек.

Русские расселялись главным образом в Харбине и населённых пунктах вдоль западной и восточной линий КВЖД. Не имея гражданства, официального представительства перед китайскими властями, оружия, русские эмигранты были лёгкой добычей для бандитов. Причём и в Харбине, крупнейшем городе Северной Маньчжурии, и в отдалённых посёлках на линии человек не был застрахован от похищения или грабежа. Борьба силовых структур с хунхузами была недостаточно эффективной. Русскому населению небольших посёлков на восточной линии нередко приходилось заключать с бандитами «джентльменские соглашения», откупаясь от них, или организовывать самостоятельный отпор хунхузам.

Японское вторжение в Маньчжурию в 1931 г. разрушило прежние «правила игры» – систему взаимоотношений между властями и хунхузами, с одной стороны, и хунхузами и населением, с другой. В ходе японского вторжения погибли или были вынуждены переместиться в Застенный Китай многие из тех офицеров-хунхузов, которые ещё сохраняли свои позиции после гибели Чжан Цзолиня в 1928 г. В то же время политическая и экономическая нестабильность, рост хунхузских

банд за счёт вливания в них остатков разбитых японцами китайских армейских подразделений, усиление патриотических антияпонских настроений в китайской среде, всё это способствовало взлёту бандитизма в Маньчжурии в начале 1930-х гг. Часть вооружённых китайских объединений на востоке Маньчжурии именовали себя партизанами (борцами за свободу), имели тесные связи с советской стороной, поставлявшей им вооружение и обеспечивавшей приют и политическую учёбу в своих приграничных районах [3, с. 36, 37], но своим образом жизни и деятельностью они мало чем отличались от хунхузских шаек.

Русские газеты Маньчжурии начала 1930-х гг. описывали многочисленные случаи разорения русских хозяйств, концессий, предприятий на восточной линии КВЖД. Повседневным явлением стали грабёж и убийство людей. Это заставило эмигрантское население самоорганизоваться и активно поддерживать новые власти, оказывая помощь японским охранным частям в борьбе с хунхузами и партизанами. В воспоминаниях русских эмигрантов, вернувшихся на родину в 1940–1950-е гг., эпизоды борьбы эмигрантов с хунхузами нередки. Особую ценность имеют воспоминания непосредственных участников этих событий, поскольку других источников, касающихся этого противостояния, практически не сохранилось [4].

Крупные частные владельцы лесных и угольных концессий на востоке Маньчжурии, японские фирмы и государственные предприятия в 1932–1933 гг. начали формировать охранные отряды, в значительной степени состоявшие из русских эмигрантов, которым японцы доверяли больше, чем китайцам. Особенно охотно в такие отряды привлекали бывших военнослужащих – офицеров и солдат Белой армии, русских, служивших в китайских войсках Чжан Цзолиня, эмигрантскую молодёжь. Возглавляли отряды обычно бывшие офицеры, имевшие большой боевой опыт. Один из первых отрядов в составе нескольких сотен человек был создан летом 1932 г. Отряд нес караульную службу на железных дорогах Мукден–Шаньхайгуань и Гирин–Лафачан. В 1933 г. появилось новое подразделение, охранявшее железную дорогу Лафачан–Харбин. Помимо железных дорог русско-китайские отряды охраняли действующие и строящиеся шоссе и дороги.

Первый охранный отряд на крупном частном предприятии – японской лесной концессии Кондо (центр – ст. Яблоня) начал действовать тогда же в 1932–1933 гг. Неофициально он именовался «Зелёным легионом», будучи разбросанным постами в тайге вдоль железнодорожной ветки концессии. К середине 1930-х гг. на восточной ветке КВЖД действовало более десяти (по одной из версий – 16) русских охранных отрядов.

В 1935 г. власти Маньчжоу-го начали реорганизацию русских и китайских охранных отрядов в подразделения лесной (горно-лесной) полиции. Согласно сводке Штаба 3-й дивизии Квантунской армии, целью отрядов лесной полиции являлась охрана лесных участков от нападения хунхузов и партизан и ведение наблюдения за работой на лесозаготовках. Отряды лесной полиции размещались в уездах Хайлюнь, Учан, Мулин, Теле и Нинъань (восточная линия КВЖД), а особые отряды лесной полиции – в уездах Вэйхэ и Нинъань. Численность личного состава отрядов превышала 1,5 тысячи человек.

В ходе реорганизации численный состав русских полицейских отрядов заметно увеличился (в 3–4 раза), а их вооружение заметно улучшилось, включив в свой состав помимо прежних винтовок и маузеров пулемёты (в том числе тяжёлые), автоматы и гранатомёты [1, д. 33286, л. 87, 88].

Большинство отрядов постоянно участвовало в боевых столкновениях с отрядами хунхузов и партизан. Один только 8-й лесной полицейский отряд станции Эрдаохэцзы на протяжении 1937 г. принял участие в 37 боях с хунхузами и партизанами, в 1938 – в 19. Один из крупных боёв между русской лесной полицией и партизанами произошёл в марте 1937 г. в зоне действий Вэйшахэйского отряда. Тогда около 50 русских полицейских из состава Вэйшахэйского и Яблонского отрядов под командованием полковника Фёдорова напали на китайский отряд, насчитывавший до 600 человек. Партизаны были разбиты благодаря внезапности нападения и слаженными действиями полицейских [1, д. 37244, л. 33].

Для подготовки русских кадров горно-лесной полиции в мае 1936 г. на станции Ханьдаохэцзы было открыто Военно-полицейское (юнкерское) училище (ВПУ) с шестимесячным курсом обучения. Юнкерское училище занимало несколько зданий, когда-то принадлежавших Русской охранной страже, – в частности, здание Офицерского собрания, упоминающееся в произведениях известного разведчика, естествоиспытателя, писателя Дальнего Востока Н.А. Байкова.

Директором училища являлся японский офицер, его заместителем, русским начальником училища, выступал один из русских старших офицеров. Первым русским начальником ВПУ в течение одного-двух месяцев являлся подполковник Н.Н. Ильин, его сменил ротмистр А.Н. Гукаев, тоже недолго находившийся на этом посту, пока, наконец, заместителем директора училища не стал полковник В.Н. Фёдоров, командовавший до этого Вэйшахэйским отрядом горно-лесной полиции. Фёдоров оставался на должности заместителя директора училища до конца его существования. Преподавательские кадры училища формировались из русских и японских военных.

В программу обучения курсантов училища входили уставы внутренней, гарнизонной и дисциплинарной службы, строевая подготовка, тактика пехоты, связь, войсковая разведка, фортификация, топография, подрывное дело, полицейская служба. Раз в неделю давался урок по Закону Божьему. Личный состав училища достигал 50 человек. Все курсанты были разбиты на три разряда: по первому разряду проходили подготовку командиры взводов, по второму – командиры отделений, по третьему – рядовые полицейские. Парадная форма курсантов ВПУ соответствовала форме юнкеров дореволюционной России и форме курсантов военно-училищных курсов РОВС. Окончившие училище получали соответствующие документы и значок с изображением российского двуглавого орла с перекрещенными винтовками и буквами «ВПУ», расположенными под орлом. Училище существовало до марта 1941 г. и сделало девять выпусков курсантов [1, д. 37383, л. 15, 16].

В марте 1941 г. на базе слияния ВПУ и русского отделения Харбинской полицейской школы на станции Ханьдаохэцзы была образована Русская полицейская школа со сроком обучения в три месяца. В штате школы были оставлены несколько русских курсовых офицеров и унтер-офицеров ВПУ, усиленные несколькими преподавателями из бывшей Харбинской полицейской школы. В новой школе обучение курсантов велось в двух группах: младшая – служащие лесной полиции (30 человек) и старшая – сотрудники департаментов городской полиции (12 человек). Курсанты как и прежде находились на казарменном положении [1, д. 35937, л. 23–25].

Благодаря активным действиям направляемой японцами администрации Маньчжоу-го по борьбе с организованным бандитизмом хунхузские шайки на востоке страны были практически уничтожены. Но, как показало недалёкое будущее, ставить окончательный крест на хунхузничестве было ещё рано. Последний его короткий всплеск пришёлся на период гражданской войны в Китае во второй половине 1940-х гг.

Источники и литература

1. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р–1. Оп. 2.
2. *Еришов Д.В.* Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М., 2010.
3. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 1. Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 – декабрь 1940 гг.). М., 1995.
4. Русская Атлантида.
5. Челябинск, 2010. № 36, 37.